

Секция «Международная безопасность: традиционные вызовы и угрозы»

Основные направления политики США в области безопасности на Ближнем Востоке при администрации Д. Трампа

Научный руководитель – Шумилин Александр Иванович

Евсеевко Андрей Сергеевич

Выпускник (специалист)

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

E-mail: bubba89@yandex.ru

Предвыборная кампания в США и победа Дональда Трампа на президентских выборах породили колоссальное количество спекуляций вокруг перспектив российско-американских отношений. Сферой общих интересов России и США последние 15 является ближневосточный регион. Посредством дискурс-анализа необходимо выяснить, каковы представления Дональда Трампа о политике США на Ближнем Востоке. Это позволит определить, возможен ли конструктивный диалог между Кремлём и Белым домом при решении ближневосточных проблем. Станет ли сотрудничество на Ближнем Востоке шагом к общей нормализации российско-американских отношений?

Разбор основных приоритетов Дональда Трампа необходимо начинать с важного замечания. У избранного президента США отсутствует стратегическое мышление. Он ориентирован только на решение текущих, сиюминутных проблем, подвержен конъюнктуре, характер проблемы и способы её решения определяются Трампом ситуативно. Это отличает его от Барака Обамы, который был последователен в проведении политической линии и не менял свои представления в соответствии со сменой обстановки. Данный вывод делается на основе его сирийской политики: Башар Асад все пять лет рассматривался Обамой как нелегитимный лидер и невозможный союзник в борьбе с ИГ, умеренная оппозиция рассматривалась им как главная сила в борьбе с террористами, само Исламское государство - очередным воплощением идеологии джихадизма.

Дональд Трамп уже продемонстрировал отсутствие стратегии в ходе своей предвыборной кампании. Примером служит его взгляды на въезд мусульман в США. Прибывающие в США мусульмане, в представлении Трампа, являются источником терроризма и угрозой национальной безопасности США. Начав с «тотального запрета» на въезд мусульман, Трамп сменил позицию и заявил о запрете на въезд мусульман из стран, «связанных с терроризмом», и, в конечном счёте, пришёл к такому методу борьбы с терроризмом как опрос въезжающих в США мусульман о «религиозной толерантности». В основе его политики будет лежать сиюминутное решение безотлагательных проблем. Необходимо рассмотреть те из них, где Россия и США могли бы наладить диалог.

Первой проблемой для Трампа является усиление Ирана. Это непосредственная угроза национальной безопасности США. В дискурсе Трампа Иран - это государство-спонсор терроризма, обладающее ядерным потенциалом и ракетными технологиями. Источник его усиления - заключённое в июле 2015 г. соглашение по иранской ядерной программе. Трамп выдвигает претензии как к содержанию ядерной сделки, так и к переговорному процессу. Данное соглашение не учитывает обстановку на Ближнем Востоке, принцип ответа ударом на удар, и способно вызвать большую войну. В представлении Трампа, Иран - недоговороспособный и непредсказуемый субъект, который понимает только язык силы. А американский истеблишмент допустил ошибку, отказавшись вести переговоры с позиции силы, и позволив Ирану сохранить ядерную программу. Более того, соглашение никак не регулирует внешнюю и военную политику Ирана, что также противоречит интересам национальной безопасности США. Поэтому Трамп рассматривает сделку с Ираном как

унизительную для Соединённых Штатов, а руководство США в лице президента Обамы и госсекретаря Керри - давшими слабину переговорщикам. Можно сделать вывод, что избранный президент США тяготеет к классическому реализму. В мире государства отличаются и измеряются силой, политика сводится к «игре с нулевой суммой»: что идёт на пользу твоему противнику, идёт во вред тебе. Трамп выбирает конфронтационную модель для американо-иранских отношений.

Однако даже в вопросе иранской угрозы проявляется отсутствие у Трампа стратегического подхода. Он никак не определяет корень иранской угрозы: с какого момента и почему Тегеран стал угрожать национальной безопасности США? Трамп не учитывает, что в Совместном плане действий ещё пятеро подписантов, и что у этих участников соглашения тоже есть интересы, которые могут отстаиваться. Сделку, которую Трамп регулярно называл «ужасной», условия которой считал «тупыми» и «дурацкими», срыв которой называл приоритетом №1, он допускает сохранить, если иранцы согласятся на согласованную с Вашингтоном внешнюю политику и подконтрольную военную программу. Условия более ужесточённого будут, согласно Трампу, приняты и соблюдены Ираном, несмотря на то, что он рассматривает Тегеран как ненадёжного партнёра. Введение новых санкций - это эффективный инструмент в конфронтации с непредсказуемым Тегераном.

В данном вопросе конструктивный потенциал для российско-американских отношений отсутствует. Российское руководство рассматривает ядерную сделку как крупный дипломатический успех. Это соглашение подчёркивает влияние России на международной арене. Его заключение позволило наращивать российско-иранское сотрудничество в военной сфере. Готовность России наращивать его вместе со стремлением европейских держав упредить новый конфликт на Ближнем Востоке способны сохранить существующее соглашение в силе. Однако предметом сотрудничества между Москвой и Вашингтоном пересмотр иранской ядерной сделки не станет.

Иная ситуация с вопросе борьбы с Исламским Государством. Подобно российскому руководству Трамп считает возвышение ИГ результатом внешней политики США. Как и президент Путин, избранный президент США считает авторитарные режимы залогом стабильности региона. Именно государства, а не иррегулярные формирования являются главным союзником в борьбе с терроризмом.

Как и Барак Обама, Трамп видит главными союзниками в борьбе с ИГ региональных партнёров США и стремится избежать широкого вовлечения в ближневосточные конфликты. Но вот методы выстраивания сотрудничества совершенно другие. Трамп считает, что страны Ближнего Востока должны Соединённым Штатам: в своём интервью от 27 марта он четыре раза употребляет слово «возмещать». Америка вложила крупные средства в систему безопасности этих стран и пришла их пора рассчитываться по долгам. Давление на ближневосточных партнёров - это способ заставить их сражаться с ИГ. Существующая коалиция этим не занимается - Трамп даже не упоминает о её существовании. Сила ИГ заключается в её нефтяных ресурсах и пропагандистских возможностях. Поэтому участие США будет выражаться в авиаударах по нефтяным месторождениям, подконтрольным ИГИЛ, а также кибероперациям против ИГИЛ в интернете. Информационную войну против ИГ нужно вести не пропагандируя ценности демократии (её Трамп считает неприменимой к Ближнему Востоку), а через пропаганду ценностей рыночной экономики.

В целом политика Трампа будет лишена идеологической нагрузки. Он рассматривает союзников в борьбе с ИГ по их отношению к радикальному исламу, а не степени демократичности их режима. А вот сосредоточенность на борьбе с джихадистами для Трампа является принципиальной. Поэтому первым союзником в борьбе с ИГ он называет Израиль, Россию - только четвёртой (после Иордании и Египта). Он признаёт интересы России

в Сирии, рассчитывает на её военную силу, но также видит, что Россия занимается в Сирии не только борьбой с ИГ.

В вопросе борьбы с ИГ вновь проявляется такая черта Трампа как отсутствие стратегии. Он говорит о «возвышении Исламского государства» в результате слабости Обамы, при этом не объясняя как появилась эта организация, не приводит критериев победы над ней. Он сначала осуждает вторжение США в Ирак за колоссальные человеческие потери и рост исламского фундаментализма, а уже в следующем абзаце - за незахваченные, оставленные иракские нефтяные месторождения.

Трамп ориентирован только на борьбу с радикальными исламистскими группировками. В этом вопросе не будет брезговать ничем. Однако, когда ИГ уйдёт, сотрудничество со странами Ближнего Востока сократится, оно исключительно ситуативное. Выстраивать какую-то новую систему безопасности в ближневосточном регионе он не будет. Тут речь идёт о разовой и решительной консолидации сил против Исламского государства. Он будет бить по вооружённому проявлению исламского фундаментализма, а не бороться с его истоками. Иррегулярные формирования - Сирийская свободная армия, Сирийские демократические силы, курды отряды «Пешмерга», иранские повстанцы - Трамп не рассматривает как союзников в борьбе с ИГ, они не те, на кого можно положиться, они не те, кому можно доверять. Его не волнуют вопросы гражданской войны в Сирии.

Именно этот фундамент даёт шанс наладить сотрудничество России и США в борьбе с ИГ. Обе стороны не рассматривают умеренную сирийскую оппозицию как надёжного союзника. И Путин и Трамп делают ставку на вооружённые силы государств в борьбе с терроризмом. Трамп не требует ухода Башара Асада от власти - президент Сирии - это не помеха эффективной борьбе с ИГ. Путин и Трамп негативно относятся к сформированной в августе 2014 международной коалиции. Поскольку оба лидера рассматривают авиаудары как эффективное средство борьбы необходимо вернуть соглашение о координации в воздухе, дабы избежать инцидентов. Также возобновить практику обмена разведанными позициями боевиков ИГ. Можно предложить создать совместные центры проведения специальных операций против лидеров ИГ, а также центры совместных киберопераций. Но с этими предложениями должна выступить РФ.

Третьим пунктом ближневосточной политики Трампа является палестино-израильский конфликт. С точки зрения Трампа, американо-израильские отношения лежат вне политической плоскости. Это союз двух народов и в основе его - ценностные совпадения. А значит Израиль, как никакое другое государство, разделяет американские интересы национальной безопасности. Трамп демонстрирует, что он как никто другой, будет отстаивать израильские интересы - они ничем не отличаются от американских. То есть противостоять Ирану и террористам. Сейчас же интересы Израиля ущемлены администрацией Обамы и Советом безопасности ООН.

И первым шагом Трамп называет инициативу, которая последние 20 лет присутствует в американских предвыборных платформах, - перенос посольства США в Иерусалим. Однако тут есть важные отличия Трампа от его предшественников. Во-первых, в дискурсе избранного президента США, КСА не является стратегическим партнёром Америки. Именно реакция Саудовской Аравии была главным опасением предыдущих американских руководителей. Они уделяли важное место отношениям с монархиями Персидского залива, особенно с КСА. Более того, Трамп отдельно подчеркивает, что реакции Саудов он не боится - у Эр-Рияда больше нет такого рычага давления на США как цены на нефть. Во-вторых, предыдущие руководители слушали рекомендации от профессиональных дипломатов из Госдепартамента. Последние стремились избежать негативной реакции КСА на переезд посольства в Иерусалим. Трамп же во всех выступлениях по внешней политике

выражает крайний негатив по отношению к тем людям, которые формулировали и проводили внешнюю политику США в последние годы. И номинация Рекса Тиллерсона на пост госсекретаря США является воплощением той ненависти, которую Трамп испытывает к системным дипломатам и политикам. В его глазах профессионалы себя дискредитировали.

Как и предыдущие вопросы, у Трампа нет стратегии в палестино-израильском конфликте. Он продолжает решать проблему ситуативно. В начале своей речи перед Американо-израильским комитетом по общественным связям (АИРАС) в марте 2016 г. он заявил об общих ценностях в основе отношений м/д США и Израилем. И той же самой речи сказал, что ценностями можно пренебречь в интересах сделки.

В целом палестино-израильский курс Трампа имеет конфликтный потенциал для отношений с РФ. Его возможные шаги - срыв палестино-израильского переговорного процесса и перенос американского посольства в Иерусалим - не найдут положительного отклика в Москве. Во-первых, Россия делает ставку на равноправные переговоры м/ду палестинским и израильским правительствами. Во-вторых, Россия наладила тесные отношения с ХАМАС и не намерена признавать организацию террористической. Во-третьих, РФ последовательный противник одностороннего пересмотра статуса Иерусалима.

В периферийных вопросах Ближневосточной политики также маловероятно тесное сотрудничество м/д Белым Домом и Кремлём. В Ливии Трамп готов лишь наносить авиаудары по нефтяным вышкам, которые находятся у ИГ. Оказывать вместе с Россией и Египтом помощь генералу Хафтару и правительству в Тобруке Трамп не настроен. Вмешательство в гражданские конфликты в регионе не входит в его интересы. По этой же причине он не будет вмешиваться в конфликт в Йемене. Здесь от Трампа можно ожидать прекращения поставок оружия саудовским войскам. Россия же ориентирована на поддержку саудовских инициатив в Йемене. Также от избранного президента США можно ожидать сохранения поддержки ОАЭ в борьбе с Аль-Каидой в йеменской провинции Хадрамаут.

У будущего лидера США и нынешнего президента России достаточно общих черт в мировоззрении. Тут и упрощенный взгляд на международные отношения, и черты классического реализма, и отсутствие стратегического видения проблем. Но приоритеты в ближневосточной политике у них разные.

В целом потенциал российско-американского сотрудничества на Ближнем Востоке останется достаточно низким. Возможно лишь сглаживание остроты, но не общее налаживание российско-американских отношений.